

ЭТИМОЛОГИЯ ОБРАЗА-СИМВОЛА «ДЕРЕВО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ И АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МОДЕРНИСТОВ

В. А. Ловгач, Е. В. Войтишенюк

*Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого, Беларусь*

Научный руководитель канд. филол. наук, доц. Е. В. Сажина

Для того чтобы определить настрой воспринимающего художественное произведение человека, важно понимать значение образов-символов, использованных в языке, их структуру и значение. Для этого обратимся к определению образа-символа. В мировой литературе символ – это некий художественный образ, воплощающий какую-либо идею. Многослойность символа, его незамкнутая многозначность опиралась на мифологические, религиозные, философско-эстетические представления о сверхреальности, непостижимой в своем существе. В. Г. Белинский считал, что любой образ может выступать в трех видах: как изображение, символ или знак. Определяя сущность образа, К. М. Королев считает, что символ (греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета; *symballo* – соединяю, сталкиваю, сравниваю) – в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания. Самое важное свойство образа состоит в «отражении мира в процессе практического его созидания», т. е. образ есть некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности. Верность отражения гарантируется принципом обратной связи. Возникая как отражение жизни, образ и развивается в соответствии с ее реальными свойствами. Отражая мир и материализуясь в тексте, образ отделяется от художника и сам становится фактом реальной действительности.

При опоре на общеизвестные мифы, архетипическую образность или на произведения мировой культуры неизбежно возникновение символов, несущих сходное значение в произведениях белорусских и английских писателей. Символы в их произведениях не просто конкретные реалии художественного мира, одновременно служащие носителями идейно-тематической составляющей, концепций плана содержания. Деревья являются одними из главных объектов и образов-символов национального светостроения. Дерево стало одним из важных элементов в осмыслении человека в макросвете. Так, например, образ-символ дерева, чьи корни восходят к мифологическому образу Мирового Древа, стал особо популярен в произведениях белорусских поэтов и английских писателей-модернистов. Традиционно

этот образ воплощает «универсальную концепцию мира», являясь, таким образом, с одной стороны символом упорядоченности мира, соотношенности его частей и последовательности истории, с другой – символом человека (в скандинавской мифологии первых людей зовут Аск и Эмбла – Ясень и Ива). В творчестве модернистов дерево представлено как символ Жизни, Природы, естественного человека в противопоставлении растлевающему воздействию Цивилизации. В творчестве В. Вульф женщина часто уподобляется дереву в цвету. В романе «Mrs.Dalloway» человеческая душа уподоблена лесной чаще. Для Септимуса Смита деревья живые, и это одно из явленных ему откровений. Дерево является, таким образом, символом взаимосвязи: «tree suggests pastoral tranquility and the interconnectedness of branches, or human minds».

В рассказе Э. М. Форстера «Иное царство» девушка превращается в дерево, чтобы избежать власти золота. Также важен образ дерева в его романе «Ховардс Энд» и в рассказе «Дорога в Коон».

Белорусские деревья занимают заметное, даже основное место в национальной поэтической осведомленности. Дерево вообще на удивление репрезентативный образ-символ в светопонимании белорусских поэтов. Как известно, культ дерева – один из самых древних, и как выделяют исследователи мифологии и фольклора, «нашы продкі персаніфікавалі сілы расліннага свету», поклонялись духам деревьев, в святых местах боялись их срубить, «лічылася за грэх сарваць з іх нават галінку» (Дж. Фрэйзер). Белорусские деревья, лес являются одними из главных в национальной модели мира, и это обстоятельство выделяют современные исследователи. Отношения к деревьям в белорусской поэзии очень теплые и чуткие. Белорусские поэты чувствуют с ними родственную связь, духовное родство. В стихотворении М. Рудковского «Радня» деревья – родные, близкие люди: верба – мать, клен – отец, сосны – сестры, дуб – дед, береза – бабушка. Все они как одна семья. Поэту кажется, что деревья имеют живую душу, похожую на человека:

А можа, і дрэвы тут чуйна-відушчыя?
 А можа, і ў дрэваў есць чулыя душы? –
 Яны ж, як мы, плачуць, як мы, і спяваюць,
 І нас, быццам родных, к сабе запрашаюць...

Согласно давним мифопоэтическим представлениям, дерево виделось нашим предкам одушевленным предметом, а поэтому способно чувствовать, слушать, слышать и даже плакать. Аналогия «деревья-люди» – одна из распространенных в белорусской поэзии. «Усе мы дрэвы...» – доносит П. Панченко и, соединяя природное и человеческое, говорит про наше подобие, даже общее с жизнью деревьев.

Цягнемся да сонца,
 Шалясцім ліствою.
 Грымне навальніца –
 Сагнемся ад дум,
 А зрэжа маланка –
 Заснем пад жарствою.

Каждый человек, подобно дереву, повторяет его цикл: от паростка до увядания и смерти. Белорусские поэты связывают с деревом нерушимость жизни и мира. Наиболее часто дерево представляет собой универсальную онтологично-бытовую модель, иначе говоря, дерево в философском понимании – это и есть жизнь в разных ее проявлениях (рождение, цветение, смерть и возрождение). Древние греки считали,

что как будто первый человек начал свой род от дерева – могучего дуба. Человек повторяет круговорот дерева.

Поражает своей экспрессией глагол «зрываюцца». Так и солдаты на фронте, взрываясь на минах или погибая от пуль, жертвовали собой ради будущей жизни, нового мира, избавления от крови, агрессии, зла. Дерево предстает как символ естественного, неиспорченного цивилизацией человека, его природной сути в романе «Aaron's Rod» Д. Г. Лоуренса. В связи с этим представляются интересными его рассуждения в эссе «Fantasia of the Unconscious»: «The trees seem so much bigger than me, so much stronger in life. ...And all time it has no face... only a huge, savage, thoughtless soul». Таким образом, дерево имеет душу, но при этом лишено понятия о добре и зле, и этим может быть страшно человеку: «No wonder Roman soldiers thrilled with horror when, deep in woods, they found the skulls and trophies of their dead comrades upon the trees. The trees had devoured them: silently, in mouthful, and left the white bones».

У Дж. Толкиена, к примеру, также дерево предстает как символ жизни, естественности: «trees stand for life». К примеру, золотое дерево, выращенное Сэмом в конце романа, символизирует собой возвращение нормальной, неизвращенной жизни в Шир: «Trees as a general symbol of naturalness and fertility, are more than commonly important to the hobbits returning to the Shire». С другой стороны, дерево предстает как символ истории, сохранения традиции. Росток Белого Древа, найденный на вершине горы, является знаком возрождения королевства Гондор, восстановления династии королей. Ожившие деревья энты (ents) хранят мудрость предначальных времен. Но образ дерева двойственен: Старая Ива (Old Willow) губит путников, заблудившихся в Старом Лесу, ожившие, но неразумные деревья хуорны (huorns) мстят оркам за гибель собратьев. Но также можно проследить оппозицию жизни и смерти и у белорусских писателей. Образ дерева как символа вечности раскрывает в поэзии Р. Бородулина тот высокий гуманистически-моральный смысл, который предписывается самой матушкой-природой.

Чалавек, як і дрэва,
Расце, карэніцца,
Галее паволі ствол,
Засыхаючы, ападаюць сукі
Знакомых, родных, сваіх...
(«Чалавек, як і дрэва...»)

В основе натурфилософской концепции дерева у Р. Барадулина лежит мысль про движение всего живого к обновлению, идея жизнедеятельного начала. Дерево видится Р. Бородулину и в соотношении жизнь–смерть. Неумолимый закон природы диктует свои правила, потому что все имеет начало и конец. Бородулинская философия возникает из осмысления существования человека во времени и вечности.

А. Кулешов, М. Танк, А. Русецкий и другие белорусские поэты видят дерево возвышенно, подчеркнута романтически, философски масштабно.

Глобально-космическую связь земли и неба белорусская поэзия рассматривает как единое неделимое целое, подтверждает ценность и уникальность жизни во вселенной. Поэты по-философски рассуждают про небесно-духовную сущность человека, его связь с высоким и вечным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в произведениях английских писателей-модернистов существуют вследствие сходства эстетических и тематических пред-

посылок общие символические образы, и некоторые из них формируют систему, которая хотя целиком и полностью не существует ни в одном из произведений, но, тем не менее, определяет строй и взаимодействие некоторых символов конкретного произведения. Символ дерева имеет схожее значение и в белорусской поэзии. Однако противоположно этому, с деревом в белорусской поэзии связаны традиционные мифопредставления. Представление этого образа в разных проявлениях, как правило, характеризуется одуховленно-эмоциональными отношениями. Обращение к деревьям дает возможность поэтам по-философски познавать важные онтологические вопросы, раскрыть константы природного и духовного бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск : Ураджай, 2000. – 350 с.
2. Королев, К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королев. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 608 с.